

²⁹ Боевое ядро формируемой флотилии Северного Ледовитого океана, по замыслу Морского министерства, должны были составить старые русские корабли, выкупленные у Японии: крейсер «Варяг», эскадренные броненосцы «Полтава» и «Пересвет», носившие в Японском флоте соответственно названия «Сойя», «Танго» и «Сагами». После покупки они были переклассифицированы в броненосные крейсера, а «Полтава» получила новое название «Чесма», так как название «Полтава» уже было присвоено новому линкору-дредноуту. «Варяг» и «Чесма» вышли из Владивостока 18 июня 1916 г., а 6 сентября прибыли в Порт-Сант. 17 ноября «Варяг» после ремонта в Тулоне прибыл в Кольский залив. 3 января 1917 г. туда же пришла «Чесма». 17 июня 1917 г. после непродолжительного ремонта в Англии в Кольский залив вошел крейсер «Аскольд». Броненосный крейсер «Пересвет», вышедший 5 октября 1916 г. из порта Майдзуру, постигло несчастье — 22 декабря 1916 г. в 5 час. 30 мин. он подорвался на минах в 10 милях к северу от Порт-Санта, поставленных германской подводной лодкой, и затонул. Около 80% экипажа было спасено. Другие суда, которые, по словам И. К. Григоровича, «мы не смогли получить обратно из рук бывшего неприятеля», — эскадренные броненосцы «Хозен» («Ретвизан»), «Суво» («Победа»), «Ивами» («Орел»), «Ики» («Император Николай I»); крейсера «Тсугару» («Паллада»), «Азо» («Баян») и др.

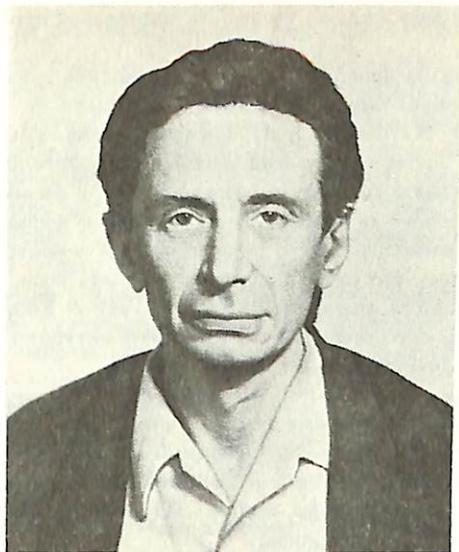
³⁰ К. Житков в книге «Адмирал Н. О. фон Эссен» (Пг., 1915. С. 42) так описывает день похорон Н. О. Эссена: «В яркий солнечный день 9 мая 1915 г. Петроград отдавал последний долг адмиралу. В 10 часов утра к пристани Храма — памятника войны 1904—1905 гг. (Спас на водах.— И. Ц.) подошел под приспущенным флагом командующего любимейший из миноносцев покойного «Пограничник». После заукокойной обедни и отпевания тело адмирала на лафете перевезено в Ново-Девичий монастырь, где при залпах салюта было предано земле».

Отец Н. О. Эссена Отто Васильевич Эссен (1828—1876), товарищ министра юстиции и тайный советник, похоронен там же. Обе могилы посещаются родственниками покойных, проживающими в Ленинграде (внучка Н. О. Эссена М. Б. Страхова, правнучка Н. С. Янанис, праправнучка А. А. Скоробогатова).

³¹ Крейсер «Паллада» погиб в Финском заливе 28 сентября 1914 г. со всем экипажем в результате торпедной атаки германской подводной лодки «У-26». Икона Спаса нерукотворного, всплывшая на поверхность после погружения крейсера, была помещена в храм Спаса на водах в Петрограде. Минный заградитель «Енисей» торпедирован 22 мая 1915 г. в районе о-ва Оденсхольм германской подводной лодкой «У-26». Миноносцы «Исполнительный» и «Летучий» погибли 29 сентября 1914 г. в Финском заливе, перевернувшись во время сильного шторма. Тральщики «Проводник» и три «номерной» тральщик (№ 10) торпедирован германской подводной лодкой у о-ва Оденсхольм. 1-го ранга С. В. Ковалевский, погибли в Финском заливе, подорвавшись на минах. Еще один номерной тральщик (№ 10) торпедирован германской подводной лодкой у о-ва Оденсхольм. Минный заградитель «Прут» при встрече с крейсером «Гебен» был подорван экипажем и затонул 16 октября 1914 г. у Севастополя. Когда взорванный корабль начал погружаться в воду, на верхней палубе в полном облачении появился корабельный священник отец Антоний. Сидевшие в шлюпках видели, как он подошел к борту и, воздев руки к небу, призывал милосердие Господне к своей гибнущей пастве. Ему кричали, чтобы он тоже садился в шлюпку, но восьмидесятилетний иеромонах при очередном взрыве скрылся в клубах дыма и огня с крестом в высоко поднятой руке. Когда дым рассеялся, «Прут» уже скрылся под водой. Крейсер «Жемчуг» погиб 15 октября 1915 г. в результате атаки германского крейсера «Эмден» в порту Пенанг (Индокитай).

Однако И. К. Григорович перечислил не все корабли, погибшие в течение 1914—1915 гг. на Балтике. Кроме упомянутых выше погибли канонерские лодки «Сивуч» и «Кореец» (6—7 августа 1915 г.), подводная лодка «Акула» (1—15 ноября 1915 г.), минный заградитель «Ладога» (1 августа 1915 г.), транспорт «Печера» (12 августа 1915 г.). На Черном море погибли канонерская лодка «Донец» (16 октября 1914 г.) и минный транспорт «Олег» (11 декабря 1914 г.).

*Текст к публикации и комментарии
подготовил И. Ф. ЦВЕТКОВ*

ИГОРЬ ЮРЬЕВИЧ КОБЗАРЕВ
(15.10.1932—20.01.1991)

Физик-теоретик и историк физики. Внес значительный вклад в исследование K -мезонов и гиперонов, а также структуры адронов с высокими спинами. Автор ряда важных работ по гравитации и космологии, в частности по изучению космологических следствий спонтанного нарушения симметрии. В области истории физики ему принадлежат содержательные работы по истории специальной теории относительности, квантовой механики и квантовой теории поля. Автор научно-популярной книги о Ньютоне, высоко оцененной специалистами.

Ведущий научный сотрудник Института теоретической и экспериментальной физики (ИТЭФ), профессор МИФИ, ответственный редактор «Эйнштейновского сборника», член редколлегии журнала «Природа».

НАМ ВСЕМ БУДЕТ НЕДОСТАВАТЬ ЕГО ...

Полтора-два месяца тому назад Игорь Юрьевич (далее — И. Ю.) приезжал ко мне, чтобы поговорить о подготавливаемой им статье об открытии специальной теории относительности (СТО) и взять кое-какие книги по истории этой теории. Как это бывало часто при встречах или телефонных контактах, беседа затянулась, вышла далеко за рамки СТО и ее истории. Это был наш последний разговор такого рода — длинный, с переходами от одной темы к другой, но захватывающе интересный. От меня такие разговоры требовали большого напряжения, но в том, что говорил И. Ю., всегда было что-то новое, нетривиальное, стимулирующее мысль. О чем говорил И. Ю. в тот день? О своих находках в текстах классиков СТО — Пуанкаре, Эйнштейна, Лоренца, Минковского. Об ошибке в знаке у Пуанкаре, о том, что Эйнштейн уже в первой своей работе по СТО говорил фактически о парадоксе близнецов, что Минковский не вполне понимал смысл тензорных величин, и т. п. Вообще с великими он обращался как с коллегами, как теоретик с теоретиками. Потом речь зашла о последних нобелевских премиях по физике и состоянии дел с кварками, после чего его мысль «скакнула» в космологию, и он вспомнил о своем участии в работах по доменной структуре Вселенной. Затем мы стали обсуждать советскую физику 20-х годов и «рейтинг» ведущих физиков того времени (И. Ю. считал, что у Д. С. Рождественского он несколько выше, чем у А. Ф. Иоффе); задержались на Фоке, и он заметил, что в своей критике принципов общей теории относительности (ОТО) Фок во многом был прав. Говорили о предстоящей конференции по социальной истории физико-математических наук в СССР, в связи с чем И. Ю. озаботился тем, что сейчас даже

самые толковые молодые историки физики, увлекшись социальной проблематикой, уходят в сторону от собственно физики.

Его всегда очень волновали проблемы взаимосвязи физики и математики, и он очень высоко оценивал «физические увлечения» нынешних советских математиков, упоминая при этом С. П. Новикова, В. И. Арнольда, Ю. И. Манина и др. Он, безусловно, умел и слушать, и моментально подхватывать или, напротив, подвергать резкой критике (последнее было чаще) ту или иную идею. На этот раз он поддержал идею о «французской революции» в физике первой трети XIX в., после чего разговор перешел на вопрос о национальных школах в физике (в частности, он заметил, что российская физика в значительной мере шла по стопам немецкой).

И. Ю. говорил даже о том, что он собирается переиздать свои, по-моему блестящие, лекции по общей теории относительности, изданные МИФИ в 1981 г. Конечно, мы говорили не только о физике и ее истории, но и, естественно, о политической ситуации в стране, о нынешнем увлечении русской религиозной философией и о многом другом.

И. Ю. написал не так уж много работ по истории физики. Думаю, их не больше десяти (вместе с некоторыми научно-популярными статьями и рецензиями). Среди них наиболее важны и интересны статьи по истории СТО, в частности его сравнительный анализ того, какой смысл в преобразовании Лоренца вкладывали Лоренц, Пуанкаре и Эйнштейн, а также по истории квантовой теории. Кстати говоря, он настаивал на том, чтобы вместо СТО говорили ЧТО (т. е. частная теория относительности), что, конечно, вполне правильно.

В статьях по истории квантовой теории И. Ю. убедительно опровергал распространенную точку зрения, что Эйнштейн, занимаясь квантами, все время поступательно двигался к идее корпускулярно-волнового дуализма. В последние годы И. Ю. занимался историей квантовой электродинамики. Под его руководством была сделана одним из наших молодых историков весьма хорошая работа на эту тему, а сам И. Ю. написал статью о предсказании позитрона, вероятно, последнюю свою опубликованную работу по истории физики.

Его краткая книжка «Ньютон и его время», выпущенная издательством «Знание» в 1978 г., была написана по материалам лекций о Ньюtone, которые он читал в 1972 г. «в аудиториях физиков в Москве и Ленинграде». Она, при всей своей доступности, содержала свежий, оригинальный взгляд на творчество великого ученого. Например, ньютоновская идея разделения законов движения на первый и второй, по мнению И. Ю., была уже у Галилея, и потому это разделение считал естественным и Ньютон, шедший по стопам итальянца. Замечу также, что И. Ю. удалось в упрощенной, модернизированной форме реконструировать ряд важных выводов ньютоновских «Начал» без искажения их сути.

С 1972 г. И. Ю. начинает активно заниматься историей физики (Ньютон и СТО), но с историками физики Института истории естествознания и техники АН СССР контакт возник позже. Мы с ним познакомились при подготовке в 1978 г. к 100-летию юбилею Эйнштейна. Как член редколлегии журнала «Природа» он готовил эйнштейновский (мартовский) выпуск, в чем принял участие и я. Как раз тогда впервые я оценил критический дар И. Ю., который своими замечаниями существенно улучшил мою статью об истории создания общей теории относительности. Кстати, ему импонировала основная мысль этой статьи о том, что буквально на всех этапах генезиса теории существенную роль, помимо Эйнштейна, играли «другие» (подзаголовок статьи был таков: «Эйнштейн и другие»).

Вскоре после этого он познакомился с нашими историками физики и начал регулярно выступать с великолепными, как правило, докладами на наших юбилейных конференциях (впервые — на большой конференции, посвященной 100-летию Эйнштейна). К сожалению, многие из этих докладов, в частности блистательный доклад о Максвелле, который он сделал в 1981 г., так и остались неопубликованными (и скорее всего они даже не были написаны).

Затем он согласился войти в ученый совет по истории физико-математических наук и одним этим, думаю, поднял качество наших кандидатских работ и тем самым вообще уровень исследований по истории физики. Он очень аккуратно ходил на заседания совета, почти всегда вникал в существо диссертаций, даже по истории средневековой арабской математики, и уж, конечно, не переносил халтуры.

Порою, мне кажется, он был чересчур критичен, но все-таки едва ли он загубил хотя бы одну мало-мальски стоящую работу. Особенно острой зачастую была его первая реакция. И все же тут он следовал замечательному гамлетовскому принципу, о котором я узнал от него в начале нашего знакомства. Гамлет просил Полония получше принять актеров; Полоний отвечал, что он примет их *сообразно их заслугам*. «Нет, черт возьми, примите их *в меру вашего благородства и вашей*

чести», — потребовал Гамлет (И. Ю. произносил это по-английски: «according to your honour and dignity»). Именно в меру своего великодушия, благородства оценивал многие наши работы И. Ю., в том числе и мои. Я всегда старался познакомить наших молодых историков с И. Ю., иногда он соглашался стать оппонентом диссертации, рецензентом рукописи, бывал и консультантом, и научным руководителем диссертационных работ. Общение с ним было крайне стимулирующим. Под впечатлением разговоров с ним, порою даже телефонных, которые, впрочем, нередко длились более часа, я иногда находился долгое время. Особенно мне памяты захватывающие новогодние телефонные беседы. Я обычно посылал ему новогодние поздравительные открытки, а он отвечал телефонными звонками в один из первых дней нового года.

Что сказать о его отношении к нашей, историко-научной, профессии? Как И. Ю. понимал ее цели, задачи? Прежде всего он по существу сам был профессионалом в нашей области и очень ценил профессионализм. У него было сильно развито чувство истории. Он ценил детали, подробности, припоминая в связи с этим пастернаковские строки «о всеильном боге деталей» и о том, что «жизнь, как тишина осенняя, подробна». Он любил первоисточники. Одним из критериев серьезности исторического исследования он считал наличие «корпуса источников». Ему доставляли удовольствие точность и полнота исторического описания, он любил обнаруживать непрямоту, извилистость путей познания.

Одной из излюбленных идей И. Ю. было изучение самосознания ученых, т. е. уяснение того, что и как они думали о своих работах, как воспринимали самих себя. Например, он полагал, что Максвелл считал себя *natural philosopher*, а Планк и Эйнштейн — физиками-теоретиками. Себя И. Ю. относил к физико-теоретической традиции, связанной с И. Я. Померанчуком, которого считал своим учителем.

Вместе с тем он полагал, что главная задача теоретика — это расшатывание существующей парадигмы, с чем, возможно, не согласился бы Ландау; что теоретики работают не в русле готовой парадигмы, а на ее границах, которые они стараются расширить или как-то изменить. Тут, кстати говоря, он возражал против парадигмальной концепции Т. Куна, которого как историка науки ставил весьма высоко.

Надо сказать, что И. Ю. был в общем достаточно начитан в области методологии истории науки (Т. Кун, К. Поппер, И. Лакатос, Дж. Холтон), но с большим сомнением относился к методологическим концепциям, предостерегая историков против чрезмерного увлечения ими, советуя все эти концепции именовать более скромно — моделями. Ему был ближе научно-дисциплинарный подход, связанный с изучением научного сообщества, профессионализации и институционализации науки.

К героям науки И. Ю. относился достаточно трезво, он не любил дифирамбов и комплиментов, которые расточительно рассыпались на юбилейных конференциях, посвященных Эйнштейну, Максвеллу, Ньютону, Бору, Дираку, Гиббсу и другим корифеям физики. И хотя последние 8 или 9 лет возглавлял редколлегию «Эйнштейновского сборника», к самому Эйнштейну он относился отнюдь не как к иконе. Впрочем, были физики, отношение к которым было у него безоговорочно положительным, — это Максвелл и Л. И. Мандельштам.

Переубедить И. Ю. в чем-либо было нелегко, но можно. По многим вопросам мы так и не успели доспорить (например, о роли Маха, о книге С. И. Вавилова по СТО и его пониманию ньютоновского метода принципов, о единой теории поля Гильберта, о книге Р. Музиля «Человек без свойств», которой он вовсе не восхищался, о письмах А. В. Суворова, которые он мне как-то подарил и которые ему очень нравились, и т. д.).

Его гуманитарная эрудиция была впечатляющей. Он говорил на английском, немецком и французском языках, великолепно знал историю, был в курсе современных философских исканий, прекрасно знал литературу, поэзию, искусство. Ему импонировали физики с гуманитарной жилкой, такие, как Шредингер, Гейзенберг и др., хотя он понимал, что конструктивная мощь теоретика не связана напрямую с гуманитарной развитостью.

Нам всем будет недоставать Игоря Юрьевича, и скоро мы это почувствуем. Едва ли кто-нибудь сможет занять его место.

В. П. Визгин

27 января 1991 г.